

К вопросу об изучении концептов в диахронии

Н. В. ПРУТКАЯ

Познание действительности с помощью языка как типа когнитивной деятельности происходит в определенном пространственно-временном историческом и социокультурном контекстах. Диахроническое изучение становления концептообразующей лексики, всесторонний анализ истории ее развития предоставляют возможность объяснить не только архаические особенности функционирования отдельных концептосфер этноса, но тенденции их развития и современное состояние.

Утверждение Ф. де Соссюра о том, что изучить системные отношения в языке можно лишь при синхронном подходе, поскольку время разрушает системные связи [1], можно оспорить, применив семантико-когнитивный анализ к языковому материалу. Анализ диахронических репрезентаций концептов позволяет установить системные связи в диахронии, что является, с нашей точки зрения, основополагающим, исходным методологическим приемом в исследовании концептуальной картины мира и ее элементарных единиц – концептов.

Контекстно-смысловой анализ лексем, вербализующих языческую и христианскую картины мира, изучение их ассоциативных связей позволяют выделить элементы диахронических и вневременных ахронических концептов общей концептосферы восточных славян. Как бы ни изменялась модель мира на протяжении веков, остаются общие для всех времен координаты, в центре которых стоит человек (с позиций религии – Бог), связывающие языческое и христианское мировоззрение, сформировавшееся в большой степени с помощью семантических ориентиров языка.

Анализ зоосемической и зооморфической концептообразующей лексики донационального периода развития восточнославянских языков раскрывает загадки осмысления древним человеком окружающего мира и своего места в нем в различных аспектах: психологическом, философском, религиозном. Кем является человек в действительности и какова его роль? Какие неразрывные узы связали его и окружающий мир живой природы? Что дает право человеку выделить себя из всех тварей Господних и поставить в центр мироздания?

Отношения человека с природой всегда были сложными и неоднозначными. Особый характер взаимоотношений между человеком и животным (особенно тотемным) прослеживается в языческие времена. Зависел ли человек от животного или наоборот? Были ли эти отношения равноправны? Ответы различны. По словам Э. Дюркгейма, «Человек, стоящий перед животным или растением, название которого он носит, совсем не чувствует себя так, словно он стоит перед каким-то богом, поскольку он сам принадлежит к священному миру. Их отношения напоминают отношения двух существ, которые находятся на одном уровне и имеют одинаковую стоимость» [2, с. 132]. Дружеские, даже родственные отношения язычника с природой предполагали скорее равноправность, чем иерархию. Что же происходит с уравновешенным таким образом взаимодействием человека и животного в христианские времена?

Христианская религия предоставляет человеку право собственности над миром флоры и фауны. Раннее христианство через сакральные тексты пытается упорядочить, регламентировать отношения между человеком и животным, однако единого ответа на возникшие при этом вопросы, в том числе и нравственно-этического характера, не дает. Все теистские религии, в том числе и христианство, сохраняют в себе реликты восходящего к тотемизму языческого зооморфизма. И это является причиной противоречивости, а в некоторых случаях и конфликтности взаимодействия *homo sapiens* с живой природой, которое носит амбивалентный характер.

Разножанровая переводная и оригинальная литература (преимущественно религиозного характера) пытается помочь человеку определить свое назначение в созданном Господом мире. Бог обращается словами Библии к сотворенному им человеку: *Плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею, и владычествуйте над рыбами морскими, и над птицами небесными, и над всяким животным, пресмыкающимся по земле* (Быт. 1: 28); *да страшатся и да трепещут все звери земные [и весь скот земной] и все птицы небесные, все, что движется по земле, и все рыбы морские: в ваши руки отданы они; все движущееся, что живет, будет вам в пищу; как зелень травную даю вам все; только плоти с душою ее, с кровью ее, не ешьте* (Быт. 9, 1 – 7).

Однако иерархически главенствующее положение человека неоднократно подвергается сомнению. В сакральных книгах подчеркивается, что человек неразрывно связан с животным миром, без которого он не сможет существовать: *И подлинно спроси у скота, и научит тебя, у птицы небесной и возвестит тебе; или побеседуй с землею и наставит тебя, и скажут тебе рыбы морские. Кто во всем этом не усмотрит, что рука Господа сотворила сие? В его руке душа всего живущего и дух всякой человеческой плоти* (Иов. 12: 7 – 10).

К.Г. Юнг приводит слова Августина о том, что человек постоянно должен себе напоминать, что он не создан по образу и подобию Божьему ни в чем, кроме разумения, «... но где человек замечает, что создан по образу Бога, там он видит в себе нечто большее, чем дано скоту» [3, с. 205]. И далее: «Нет никаких сомнений, что первоначальная христианская концепция *imago Dei*, воплощенного в Христе, означала всеобъемлющую целостность, включавшую в себя также и животную сторону человека» [3, с. 207].

Диахронический бинарный гиперконцепт ЧЕЛОВЕК – ЖИВОТНОЕ вербализовался в древнерусском и старовосточнославянских языках донационального периода разнообразными лексическими средствами. Исторически прототипическими (в терминах когнитивной психологии «точками когнитивной референции» [4]) являлись лексемы *тварь*, *живот* (derivat *животное*), значения которых были связаны с понятием «всякое живое существо», «творение Бога» (в том числе «человек») [5]: *просили тебѣ вси г҃да б҃га з плачем великим мовечы: влдо г҃ди преблаги творче всякое твари не презри созданиа своего* (Зб., 752, 503 – 503б). Мудро звучит фраза из «Жития»: *Члкъ есть живот до часу позыченый, смерти неволжоный долгъ ...* (Кін., 49б – 51 – 51б).

Этимология лексемы *человек* проясняет основу ядра одноименного диахронического концепта. Гипотеза, предложенная Г. Циммером и поддержанная многими известными лингвистами, считается наиболее вероятной: первая часть праслав. **čelověkъ čelo* сближается с общеславянским *челядь*, с др.-инд. *kúlam* «стадо, множество, семья, род», греч. *τέλος* «толпа», ирл. *cland, clan* «потомство, род», лит. *kiltis, kiltis* «род». Вторую часть *вѣкъ* связывают с лит. *vaikas* и лтш. *vaiks* «мальчик, ребенок», др.-прусс. *waix* «слуга» (сравним: в ст.-польск. *człowiek* «слуга, невольник»). Интересна гипотеза, которой придерживался А.А. Потебня, согласно которой *čelo* является формой слова *целый*, а *вѣкъ* имеет значение «сила», следовательно *человек* – «исполненный силы». В архангельских говорах А. Подвысоцкий зарегистрировал слово *обезвекнуть* в значении «ослабеть», что может служить подтверждением данного предположения. Иные многочисленные этимологии лексемы *человек* менее вероятны (см. более подробно Фасмер IV, 328 – 329; Преображенский, 1284; ЭССЯ, 49 – 50; ИЭССРЯ II, 378).

Древнерусское *человѣк* являлось полисемантом, основные значения которого «существо человеческого рода», «член общества», «слуга», реализовались в памятниках письменности восточных славян, начиная с XI в. (Срезневский III, 1492 – 1495). Генетические корни исконной семантики слова *человек*, связанные с понятиями «стадо», «род», «множество», прослеживаются при диахроническом рассмотрении семантической специфики лексемы в сравнении с общими номинациями животных, сохранившими этимологическую и историческую связь с понятием ЧЕЛОВЕК.

Человек, согласно этимологии слова, как «член человеческой стаи» соответствует образу говорящего существа, которое противопоставляется не только животному, но и чужому,

варвару, говорящему непонятно, невнятно (можно сравнить с этимологией архаического греч. *teropos* «мерно, отчетливо говорящий»). В «Этимологическом словаре» А.Г. Преображенского приведена интересная гипотеза И. Добровского о этимологии слова *человек*, проясняющая вышесказанное: чело- = *frons* как *pars pro toto*, значит *лицо, голова*: -векъ = лат. *vos-s (vox)*. гр. **Φελοσ*. сскр. *vakti говорит, сказывает; vāk речь, слово, голос*; следовательно, человек = *говорящее чело, лицо, голова, существо* (Преображенский, там же).

Средневековая разножанровая письменность в центр описанных событий ставит человека. Однако детальный анализ древнерусских и донациональных старовосточнославянских источников (в основном, книжно-славянского церковно-канонического типа) свидетельствует о том, что оценка природы человеком закрепляется в языке, прежде всего, с точки зрения его понимания учения и мудрости Божьей, которая помогает осознать свое место в мире в взаимодействии с себе подобными. Теологические понятия древнего славянина еще неразрывно связаны с дохристианским, языческим периодом, когда многие представители фауны становились идолами и приобретали власть над человеком, когда человек был одним из множества природных существ, еще особо не выделившись как отдельная сущность. Эта особенность восприятия мира ярко проявляется в языке.

Взаимодействие с живой и неживой природой поначалу фиксируется в языке, с точки зрения современного человека, хаотично и противоречиво. Детально описывается как то, что уже познано, так и то, что человеку еще неподвластно, над чем он еще не одержал верх. В отношениях *человек – животное* прослеживается закрепившаяся со временем тенденция *повелитель – слуга, раб*, однако синкретизм древнего человека и природы еще очень явен: *Потолѣ ѿ(ст) члѣкъ, доки жыв(ъ) будет; а коли, мовит, умреть, то власне як марьжелина, то аж нѣколи не оживет* (Рук. Тесл. IV, 313. XVIII в. – Карт.Тимч.).

Большой разницы между животным и человеком, познающим себя, мир и духовные субстанции нет: **Члѣкъ есть живот до часу позыченый ... себе не вѣдаючий, а ѿ вышших над себе речах бадаючий** [желающий знать, исследовать, изучать, проверять] (Кін., 496 – 50). Для Бога человек остается его тварью, животным: *Сказал я в сердце своем и о сынах человеческих, чтобы испытал их Бог, и чтобы они видели, что они сами по себе животные, потому что участь сынов человеческих и участь животных – участь одна: как те умирают, так умирают и эти, – говорится в «Книге Экклизиаста» (Эккл. 3: 18 – 19); единъ только самъ Богъ есть все твары и отецъ и господинъ царь, князь, и Богъ* (Будны, 536). Бог повелел и человеку, и животным плодиться и размножаться – населять землю: *сз могоу ровнати со звѣрьми, но и тыи соут плодовици пред тобою гси* (Чэцця, 15). Как и немое животное, человек говорящий должен повиноваться Господу: *и глѣ емоу стѣи звѣрь дивьяя. и животная повиноуютъ(с) имени бжѣ. члѣци же словесни соуще престоупаютъ заповѣди бжѣя* (ПНЧ, 190а. XIV в.). Однако **«не простъ члѣкъ»** (ИларСлЗак., 162 об. XI в.), и что же отделяет его от животного?

Пантеистические верования древних славян связаны с обожествлением природы. Отдельные объекты (живые и неживые) наделялись душой и становились равноправными участниками жизнедеятельности человека, человек сливался и растворялся в природе. Одухотворенные животные могли говорить и вести себя как люди. Согласно христианской религии, только человек обладает бессмертной Душой, все остальные твари наделены лишь живым духом: *А всем зверям земным, и всем птицам небесным, и всякому пресмыкающемуся по земле, в котором душа [= дух] живая, дал Я всю зелень травную в пищу* (Быт 1, 30); **Вѣдомаа теды есть речъ, же безъ дийѣ члѣку покарму не потреба ...** (Каліст. II, 146). Душой наделен и богочеловек – Иисус Христос, сын Марии и Господа: *заразъ гдѣ вселившись в животъ ее, и почал себе формовати изъ еи плоти и крови, **плотъ ѿдушевленую*** (Пролог, 545б). Через Иисуса Христа человек получает маленькую толику божественного, закрепляет свою нерасторжимую суть с Господом, тем самым удаляясь от животного. Церковнославянские формы **вочеловечитися, вочеловечити, вочеловечение** относятся к истории сына Божьего, отданного людям во искупление их грехов: *х(с)ъ бѣ нашъ нашу приятъ плотъ. и вѣчлѣвчсз*

(ФСт, 145а. XIV в.); *сѣна бѣя по послушанию и по смѣренію въ члѣвѣчи и члѣвки сѣе распутьемъ и смѣртію* (там же, 93б-в.); *Въплыштению же сѣна въ рѣуи ... въ двѣ естество бжѣство и чловѣчество. ба по бжѣству члѣка по въчлѣчениѣ. въ обоюмъ съвършена* (Изб., 29 об. 1076 г.).

Многие современные религии Востока и Запада говорят о животных как о существах, имеющих душу. Душа животного может поселиться в человеке так же, как и человек может занять место зверя. Идея реинкарнации не так уж чужда славянской душе, если вспомнить языческие корни верований западного человека. Исследуя архаическое сознание славян, ученые приходят к заключению, что «древние славяне имели более сложные представления о соотношении души и тела, чем христиане. У язычников ... есть представления о нескольких разных душах, имеющих разные функции» [6, с. 36]. Уверенность в тождестве с животными приводит к уверенности в то, что в теле животного может жить душа человека и наоборот. Согласно теории Э. Дюркгейма, повсеместность верований в метемпсихоз является «доказательством того, что составные элементы идеи души были в основном взяты из животного мира» [2, с. 247].

В памятниках письменности восточных славян донационального периода выделяется характерная черта человека, его одно из основных отличий от животного – неговорящего (бессловесного) существа – обладание **Словом**: *Яко же коневи рѣзанье и псоу брехание. и волови рютье. и лютому звѣри риканье дано бы(с) ... тако же члѣвою слово* (Пч., 46 об. XIV – XV вв.); *звѣрь зри животню безсловес/сно* (Син., 117. XVII в.). П. Берында так объясняет значение адвербума *зверски*: «*бессловеснѣ, не людко*» (Бер., 57. 1627 г.). Хотя в Библии некоторые животные говорят (*И сказал змей жене ...* – Быт. 3, 1; *хвалили вместо бога немые гады* – Скар. ПБ. 17), это воспринимается как аллегория.

В архаической картине мира язычников животные были способны говорить, но не потому что человек реально слышал их речь, а потому что человек воспринимал животных, как и многочисленных богов, как проводников необходимой информации, которую удобней передать с помощью вербальных знаков. Человек не всегда имел право говорить, но за него могли сказать живые существа, так как в мире природы не существовало никаких социальных ограничений. Христианство осуждало живое общение с животными: *вси погани маютовариство с нѣмыми звѣряты* (Алекс., 24б).

Обладание словом является большим благом для людей. Лишение слова – серьезное наказание. Неслучайно истинно верующих, паству называют то *словесными*, то *немыми*, *бессловесными овцами* (*овчатами*): *Велику бо глаше игумену быти, словесныя пасти овца* (Патерик Син., 167. XI в.); *стадо словесныхъ овцевъ Христовыхъ в порученю своемъ мають* (Унія, 1. 1595 г.); *што иже се посполите розумеет ѿ пастырехъ овцевъ немыхъ и безсловесныхъ* (там же); *не за немое быдло але за ѿное многоценное стадо не ѿшанцованымъ скарбом кровю христовою искупеное, мусель пану своему личбу давати* (там же, 1б).

Особо следует отметить, что христианской культуре славян было свойственно более позитивное отношение к «бессловесным овцам», нежели к «словесным». Грешная словесная овца клеймилась как *паршивая овца*: *противѣко пастырови паршивыи овечки повстали* (Зб. 259, 582). Не всякое слово поощрялось и приветствовалось, а только то, что служило заповедям Божиим, было покорным и смиренным: *Изътьскому рече послѣдоваше безумію. поне же бѡ они. акѡ неразумни зви заткоша уши свои. ѡ(т)врѣвающе гла(с). разума вышнѣго. звѣрообразныа азыки* (КР, 354г. 1284 г.); *языкъ приемныи ест древо живота, несмиреныи же сотреть духъ свои* (Скар. ПС, 24). Неслучайно синонимом слову *болтовня* в древнерусском языке являлась композита *зверообразование*: *так обо слышавъ добрѣ мьнд(х) ѡ(т)вреци таковоу бладню. и звѣрообразованиѣ на оутверженье яко же нынѣ бы(с). добрѣ и единомыслѣнѣ върѡваша ѡ(т) стѣго дѣха* (ФСт, 218г. XIV в.).

Человек отличается от животного умением **слышать** слово Господне: *мы яко глухал аспида не слышимъ гласа хсѣва* (Чэщя, 272); *ѡтлучилися ѡт Бѣа грѣшници ... мають в собѣядь подобны^с яду ужсовому, або яко аспида глухого котори^с собѣ затыкает уши* (Пс. 42б).

XVII в.). Возвращение человеку возможности говорить и слышать – одно из божественных чудес: *глухимъ слухъ приворочаетъ, нѣмым мовы оузычаетъ* (Варл, 386); *некоторые приводят христу глухого и немого, просечы абы возложыль на него руку* (Зб. 255. 96). Глухой человек не может услышать Слово Господа, немой помолиться: *ани безрукій, ани нѣмый члѣкъ не можетъ крестити* (Зб. вып., 10). Фразема **открыти ухо** (аналогично: *открыти очи*), функционировавшая в этот период, несет высокий религиозный смысл: *бог силныи ... ѡткрыет оухо их к наказаню и речеть дабы вернулис ѡт кривды* (Зб. 262, 27 – 276).

Слово человека должно быть умным, мудрым: *да не уловатъ тѣ въ словѣ немудромъ* (Скар. ІС, 116). Отличается от дикого зверя и домашнего скота человек большими возможностями – не только умением говорить, но и **Разумом**, способностью помнить: *над всѣ звѣрята человек зацностю и можностю переходит, мает розум, слово и памят* (Бельск., 3); *приложыт скотом несмысленым и уподобис им* (Зб. 261, 1016); *члѣкъ будучи в почтливости не розумѣет; прировнанный ест быдлѣтом несмысленым и сталсе имъ подобнымъ* (Пс. XVII, 286). Неразумность человека подобна звериной глупости: в тексте «Поучения» конца XIV в. формы *неразумнее* и *зверее* (сравн. степень к *зверь*) являются контекстуальными синонимами (СлДРЯ III, 366).

В памятнике старобелорусской письменности «Поучительном евангелии» XVII в. грешный человек неоднократно сравнивается с неразумными животными: *Поровнал сѧ, мовитъ, члѣкъ з скотомъ несмыслным, и подобный имъ сталъ сѧ* (Каліст I, 1516 – 152); *Присмотри сѧ, якъ зъ всеи злости границъ выступилисмо: надъ ослы и волы безрозумнѣйшими оказованы бываемо, вѣ смыслѣ ѡт птаства перевышеными найдуюмо сѧ* (там же, 1526). Прослеживается тенденция, закрепляющая «печать» глупости и тупости за домашним скотом, в особенности за ослом, волон и овцой.

Крещеный человек, наделенный разумом, в отличие от животного, верует в триединого Бога: *не приемлющеи же его [крещения] яко скоть и звѣрье ...* (ГБ, 356. XIV в.). Грешный человек уподобляется немому, неразумному животному: *не уступу грѣшныи чловѣче прудкостю нѣмымъ и нерозумнымъ звѣратомъ* (Зб. 259, 531). Нечистых людей (грешников) олицетворяли изображения нечистых животных: *звѣрата и гадъ нечистыи которые были на плащеницы значили нечистых людеи* (Зб. 259, 529).

Одними из основных добродетелей, которые сопутствовали разуму и мудрости и прививались «словесным овчатам» с детства, были кротость и долготерпение: *свершии слоужбою свою съ кротостю и разоумомъ* (ПНЧ, 117. 1296 г.). Человек должен отличаться от зверя кротостью, незлобивостью, добротой, быть смиренным и послушным (часто следуют сравнения *как ягня, как овца*): *Члѣчскы наоучевають и кротѣвають. медвѣдь бо оучимъ члѣч(с)кы нравы подражати. и сами того нравы приимъше рикажъ. ово гнѣвомъ. ово же пияни* (СбХл, 108 об. XIV в.); *кротѣжъ всѣхъ члѣкъ послоушьствоуемъ* (ПНЧ, 27а. XIV в.); *стѣи же глѣбъ молчаше акы агна незлобиво* (ЧтБГ 25б. к. XI в. – список XIV в.); *аще бо и члѣколюбьимъ своимъ клонитъсѧ ѡ(т) жесточьства на кротость* (Пч., 16 об. к. XIV в.). Неслучайно человека, отличающегося своей кротостью и смирением, называли **кротъкодоушевным**, **кротъкомоудрым** (см. СлДРЯ IV, 303 – 304). В «Поучении о спасении души» усмирение своей сути перед Господом сравнивается с усмирением звериного естества: *да видиши ли како ти чрѣсъ жьство звѣрьж кротатъсѧ. а ми по жьству ни кротимъсѧ. ни боимъсѧ свожо вл(д)кы* (СбХл, 109. XIV в.).

Постепенно рефлектирующий человек приближается к мысли о том, что человека выделяет в природе умение любить (вначале в религиозном контексте – Бога, ближних). Слово **любовь** становится полноценным членом парадигмы **человек\животное** наряду с номинациями высшей христианской добродетели – смирения: *сии же живахоуть в любви. во кротости и во смиреньи* (ЛИ, 289. ок. 1425 г.).

Если человек не познал себя и высшую (Божью) суть вещей, он есть животное: *члѣвкъ ... себе не ведаючи а ѡвышых рече над себе бадаючи сѧ ... ест быдлѣтем* (Зб.

752, 5906). Однако человек иногда признает в животном разумное существо, по-видимому, вспоминая свое недавнее прошлое, в котором он не всегда являлся господином: *для того тежъ нѣмое быдла, над тебе розумъ маючого, ест^с розумнѣйшее и бачнѣйшее* (Варл., 286).

Именно христианская религия «санкционирует» появление варианта бинарного концепта «человек\животное» – ЧЕЛОВЕК – ЗВЕРЬ (в большей степени биполярного, комплементарного, чем комплетивного), который закрепляется в сознании человека через религиозные тексты с начала принятия христианства и на протяжении многих веков: *Ни оукориса, ни тѣсниса ѣда. то (бо) пескы и звѣрьскы, а не члѣвчскы* (Пч., 249. XIV – XV вв.). Но смог ли человек «выдавить» из себя все те «зверские» качества, которые осуждало христианство? Ведь не случайно, практически все наименования животных от общих до конкретных имели и имеют до сих пор в языке переносные значения (чаще негативные), характеризующие человека: *яко свѣрѣни по звѣрьску и яри* (ГБ, 60г. XIV в.); *жолнеры ... яко звѣри и шлы не погамованыи дома находячи незличоныи мордерства чинили* (Бельск., 243б).

Адъективы *нелюдский, человеконемилостивый* и их дериваты употреблялись в текстах как синонимы слову *зверский* в значении «бесчеловечный», «жестокий, свирепый», «ненавистный»: *слуги оубо и оружници. ѡбиступльше и(х) [праведников] члѣвконемл(с)твно и ненавистно ѡ(т)сѣцааху. язъкы оубо клѣщами изъ оустъ извлекше звѣроѡбразно ѡ(т)сѣкоша* (ЖВИ, 86а. XIV – XV в.); *ѡныи люде нелюдские межы иныи ѡкрутенствы, по^сманые хрстианы мучыли* (Зб. 752, 498); *а оный хаганъ звѣрины(х) а не чловеци(х) будучи ѡбычаевъ* (Истор. Пож., 660. 1627 г. – Карт.Тимч.). Определение *окрутный* («жестокий», «злой», «бесчеловечный», «дикий») и его производные инновации характеризуют как поведение хищного животного, так и человека: *з чловекомъ над которого звѣраты кды ся збествит не маешъ ничего ѡкрутне^сшого* (Зб. 259, 602); *Еже законопреступники повстали противко мене, а згромажене ѡкрутных шукали дий мои* (Пс., 83. XVII в.).

Значение лексемы *зверь* «хищное (опасное) животное», усиливающееся коннотированными определениями, постепенно становится в славянских языках основным. Многозначность и различная семантическая специализация данного номена, подкрепленные его этимологией (см. Фасмер I, 87), сделали невозможным употребление слова как вербализатора общего понятия «животное вообще», «живое существо». Характерное для XI – XVII вв. функционирование лексемы *зверь* и ее дериватов в переносном значении «злой, жестокий человек» прочно закрепляется в сознании славян.

В современном украинском языке слово *звір* означает «дикое, хищное животное», реже – «животное вообще» (СУМ III, 484). В современном русском литературном языке субстантив *зверь* наряду со значением «дикое, хищное животное» имеет переносную семантику «о бессмысленно жестоком, бессердечном человеке» (СлРЛЯ IV, 1151). Белорусское *звер* зафиксировано в «Толковом словаре белорусского литературного языка» как полисемант, одно из значений которого – ««об очень злом, жестоком человеке» ТСБЛМ, 235). Словообразовательные инновации *звярыны, звераваты, зверападобны, зверскі, зверства, звяруга, звярэць* входят в семантическое поле концепта ЧЕЛОВЕК – ЗВЕРЬ (значения дериватов см. там же).

Рамки статьи не позволяют детально сопоставить диахроническую и синхроническую репрезентацию бинарных концептов ЧЕЛОВЕК – ЖИВОТНОЕ, ЧЕЛОВЕК – ЗВЕРЬ и их субконцептов в восточнославянских языках. Однако, привлекая данные современных исследований в области психолингвистики, мы можем сделать определенные выводы. Анализ синхронических концептов, связанных с определением семантического поля понятия «человек» репрезентируют несколько иную картину, имеющую национальную специфику. Так, по данным ассоциативного эксперимента, на слово-стимул *человек* первичная реакция студентов-информантов была такова: русских и болгар – *животное\животино*, белорусов – *добрый*, украинцев – *умный*. Н.В.Уфимцева, сопоставив рейтинг концептов в современных русском, украинском, белорусском языках, пришла к заключению, что на первом месте у рус-

ских и украинцев стоит концепт ЖИЗНЬ, на втором – ЧЕЛОВЕК (у белорусов наоборот) [7, с. 215].

Учитывая вышесказанное, можно утверждать, что в мышлении восточных славян прочно закрепились как интегрирующие, так и дифференцирующие признаки бинарного понятия «человек – животное», ставшие основой аналогичного бинарного концепта. Большинство названных компонентов диахронического концепта, как отличающих человека от животного (душа, разум), так и объединяющих, в разной степени значимости представлены в сознании современной совокупной личности «Восточный славянин» и таким образом входят в диахронические концепты славянской концептуальной картины мира. Однако сложные семантические переплетения проанализированных репрезентантов гиперконцепта ЧЕЛОВЕК – ЖИВОТНОЕ и его субконцептов, свидетельствует о наметившейся еще в древнерусский и закрепившийся в старовостоочнославянский периоды тенденции к трансформации противопоставительных отношений к противительным.

Бинарный концепт ЧЕЛОВЕК\ЖИВОТНОЕ, являясь базисным, ключевым в христианской концептосфере, «притягивает» к себе близкие по смыслу оценочные лексемы, которые постепенно «поляризуются» в заданном семантическом пространстве. Особенно четко поляризация проявляется в субконцепте ЧЕЛОВЕК\ЗВЕРЬ. Семантически противопоставленные разветвленные микроструктуры объединяются вокруг понятийных полюсов ЧЕЛОВЕК и ЗВЕРЬ, обнаруживая большую степень различий, чем в гиперконцепте ЧЕЛОВЕК\ЖИВОТНОЕ. Более или менее тесная и плотная смысловая соотнесенность входящих в семантически полярные поля лексем выявляется в возможности их реализации в одном контексте или в тождественных по смыслу контекстах. Исчезновение из активного запаса лексики многих номинаций, определяющих понятия «человек» и «животное» в древнерусский и более поздний период развития восточнославянских народов, их забвение в наши дни свидетельствует об изменениях в характере мышления современного человека, нравственно-этических установок общества.

Философия человека Древней и Средневековой Руси, во многом определяющаяся семантической спецификой проанализированных лексем как репрезентантов гиперконцепта ЧЕЛОВЕК\ЖИВОТНОЕ и его субконцептов, отличалась особой нравственной направленностью, морально-этическими установками, которые служили в христианском обществе мощными жизненными ориентирами. Ослабление «номинативной плотности» (термин В.И. Карасика) семантических полей концептов, трансформации значений их вербализаторов, связанные как с интралингвистическими (уменьшение членов вариантного или синонимического ряда), так и экстралингвистическими (изменение идеологии общества, условий жизнедеятельности) факторами, приводит к существенным изменениям в ментальности народа. Идеал человека, стержнем которого долгие века являлась христианская мораль, постепенно разрушается, что проявляется в изменении характера мышления человека, его поведении, оценке реальности. Оценка этого процесса не является задачей нашего исследования. Хотелось бы только заметить, что возвращение к жизни лексем, репрезентирующих христианскую картину мира, достойное место в которой занимают фаунистические номинации, служит не только гипотетической реконструкции архаической концептосферы восточных славян, но и реальному восстановлению архитектуры души славянина.

Abstract. The paper analyses the binary concept “Man-Animal” as a diachronic phenomenon of the East Slavonic conceptual model of transforming knowledge into semantic language units.

Литература

1. Соссюр, де Ф. Курс общей лингвистики \ Ф. де Соссюр \ Труды по языкознанию – М.: Просвещение, 1977. – С. 31 – 284.
2. Дюркгайм, Е. Первісні форми релігійного життя: Тотемна система в Австралії \ Пер. з фр. Г. Філіпчука та З. Борисюк. – К.: Юніверс, 2002. – 424 с.

3. Юнг, К.Г. Избранное \ К.Г. Юнг \ Пер. с нем. Е.Б. Глушак и др. – Минск: ООО «Попурри», 1998. – 448 с.
4. Язык и интеллект \ Пер. с англ. и нем. Сост. и вступ. ст. В.В. Петрова. — М.: Прогресс, 1996. — 416 с.
5. Пруткая Н.В. Історія загальних найменувань тварин і їх похідних у російській та українській мовах \ Н.В. Пруткая \ Наука і сучасність: Зб. наук. праць. КНПУ ім. М.П. Драгоманова. – Т.60. – Київ: Вид-во КНПУ ім. М.П. Драгоманова, 2007. – 260 с. – С.214 – 220.
6. Попович М. Нарис історії культури України \ М. Попович – К.: АртЕк, 1998. – 728 с.
7. Уфимцева Н.В. Языковое сознание и образ мира славян \ Н.В. Уфимцева \ Языковое сознание и образ мира. – М.: ИЯ РАН, 2000. – С. 207 – 219.

Список сокращений источников

- АЗР** – Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные археографическою комиссиею, т. I — V. СПб, 1846 — 1853.
- Бельск.** – «Хроника» М. Бельского н. XVII в. Рук. ГПБ имени М.Салтыкова-Щедрина, Ф. IV. 688.
- Біблія** – Библиейские книги н. XVII ст. Рук. ГПБ имени М. Салтыкова-Щедрина, Ф. 1. 2.
- Бер.** – «Лексиконъ славенороскій ...» Памвы Берынды.
- Бернекер** – Berneker E. Slavisches etymologisches Wörterbuch. – Heidelberg, 1908 – 1913.
- Брюкнер** – Brückner A. Słownik etymologiczny języka polskiego. – Krakow, 1957.
- Варл.** – Гисторія албо правдивое выписаніе ст. Іоанна Дамаскина, о житіи святых преподобных отецъ Варлаама і Осафа ... (Куцеіп, 1637).
- ВТСУМ** – Великий тлумачний словник української мови \ Упоряд. Т.В.Ковальова. – Харків: Фоліо, 2005. – 767 с.
- ГА** – Хроника Георгия Амартола XI в. в сп. XIII – XIV вв., ГБЛ, Фунд., № 100, 273 л.
- ГБ** – Григория Богослова 16 слов с толкованиями Никиты Ираклийского, XIV в., ГИМ, Син., № 954, 213 л.
- ГСБМ** – Исторический словарь белорусского языка. – вып. 1 – 28, Минск: Наука и техника, 1983 – 2002.
- Даль** – Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. – М.: Русский язык, 1978 – 1981. Т. I – IV.
- ЖВИ** – Сборник житий и слов, XIV – XV вв., ГПБ, Соф., № 1365, 255 л.
- Зб. 255** – Сборник поучений сер. XVII в. Рук. ЦБ АН Литвы, RKF – 255.
- Зб. 259** – Сборник поучений сер. XVII ст. Рук. ЦБ АН Литвы, RKF — 259.
- Зб. 261** – Сборник поучений нач. XVII в. Рук. ЦБ АН Литвы, RKF – 261.
- Зб. 752** – Сборник житий святых второй половины XVII в. Рук. ГИМ, Сб. Синод. 752.
- Зб. вып.** — Собрание припадковъ краткое и духовнымъ особомъ потребное (Супрасль, 1722).
- Зеленин Табу** – Зеленин Д. Табу слов у народов Восточной Европы и Северной Азии. Ч. 1 2. – Л., 1929 – 1930. Сб музея антропологии и этнографии, тт. 8, 9.
- ИЭССРЯ** – Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. – М.: Рус. яз. – Медиа, 2007.
- Каліст** – Евангеліе учителное, албо казаня на каждую неделю и свята урочистии презъ святого отца нашего Калиста (Еѹе, 1616).
- Карт.Тимч.** – Картотека «Исторического словаря украинского языка» Е. Тимченко (г. Львов).
- Кін.** – Киновион, или изображение евангельского иноческого общего жития, 1618 г.
- КР** – Кормчая Рязанская 1284 г., ГПБ, Ф. п. I, I, 402 л.
- Кулик.** – Куликовский Г. Словарь обласного олонецкого наречия. – СПб, 1898.
- ЛИ** – Летопись Ипатьевская, южнорусский летописный свод к. XIII в., сп. ок. 1425 г. Изд.: ПСРЛ. т. 2, изд. 2. – СПб, 1908.
- ЛЛ** – Летопись Лаврентьевская, владимирский летописный свод 1305 г., по сп. 1377 г.

Изд.: ПСРЛ. т. 1. – Л., 1926 – 1927.

Ожегов – Ожегов С.И. Словарь русского языка \ под ред. Шведовой Н.Ю. – М.: Русский язык, 1983.

Патерик Син. – Патерик Синайский. – Рукоп. ГИМ, СИН. №551. XI в.

\ \ Синайский патерик. – М., 1967.

ПНЧ – Пандекты Никона Черногорца, XIV в. ГИМ, Чуд., № 16, 207 л.

Потехня – сообщение в: Живая Старина. Период. издание ОЭРГО. – СПб., 1891, вып. 3.

Пр. – Пролог мартовской половины, 1383 г., ЦГАДА, ф. 381, № 172, 157 л.

Преображенский – Преображенский А. Г. Этимологический словарь русского языка. – М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1958. – 1284 с.

Пролог – Пролог XVII ст. Рук. РГБ, ф. 256, № 325, лл. 484 – 685б.

Пс. XVII — Псалтырь XVII ст. Рук. РГБ, № 1017.

Пч. – Пчела, XIV – XV вв., ЦГАДА, ф. 181, № 370.

СбХл – Сборник, XIV в., ГИМ, Хлуд., № 30д.

Скар. IC — «Библия русская», изд. Ф. Скорины 1516—1519 гг. — Книга Иисуса.

Скар. ПС – «Библия русская», изд. Ф. Скорины 1516—1519 гг. – Притчи Соломоновы.

СлДРЯ – Словарь древнерусского языка (XI – XIV вв.): В 10 т. \ АН СССР. Ин-т рус. яз.; Гл. ред. Р.И. Аванесов. – М.: Рус. яз., 1988 – .

Срезневский – Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. – СПб., 1893 – 1912. Т. 1 – 3.

ТСБЛМ – Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы. – Минск: Беларуская энцыклапедыя, 2005.

Унія – Унія альбо выкладъ преднейшгхъ артыкуловъ ку зъодноченью грековъ с костеломъ рымскимъ (Вильня, 1595).

Фасмер – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. т. I – IV. – М.: Астрель, 2004.

ФСт – Огласительные поучения Феодора Студита, XIV в., ГБЛ, МДА, ф. 172(1), № 52. 230 л.

ЧтБГ – Чтение о Борисе и Глебе, написанное Нестором в к. XI в., по сп. «Сильвестрового сборника» XIV в., ЦГАДА, ф. 381, № 53, л. 1а – 56б.

Чэця — Чэця 1489 г. Рукопись БАН Украины, ДА/415 л.

ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд», вып. 4, М.: Наука, 1977. —С. 49 – 50.

Киевский государственный педагогический университет им. М. Драгоманова

Поступило 09.06.09